

рейский, греческий и латинский, на которых была сделана надпись на кресте Христа.⁴⁵

Несомненно чешского происхождения жития чешского князя св. Вацлава и его матери св. Людмилы, перешедшие в русскую литературу в древнейший период ее истории. Как показал В. Халоупецкий, житие св. Людмилы возникло еще при жизни князя Вацлава, между 926 и 929 г., в связи с перенесением ее мощей из Тетина в Прагу. На Руси оно в южно-русской переделке вошло в текст русского Пролога. Между тем Р. Якобсон показал, что это произведение было известно и Нестору, следы чего имеются в Несторовом «Чтении» о Борисе и Глебе, в частности в сцене, где Борис спрашивает убийцу, что им сделал, и просит их обождать, пока закончит молитву.⁴⁶

Житие св. Вацлава существовало в Чехии в виде двух независимых друг от друга редакций. Более древняя сохранилась в русских вариантах Востокова и Минейной, в люблянской и в глаголической новлянской, которая найдена в Чехии. А. Х. Востоков датировал ее возникновение первой половиной X в., Н. К. Никольский — концом X в., Урбанек — 1045 г., Новотный — концом XII в. Однако после исследования М. Вейнгарта, который на основании упомянутых текстов попытался восстановить первоначальный чешско-старославянский текст, большинство славистов склоняется к датировке Востокова.⁴⁷

Вторая редакция жития св. Вацлава, которую открыл Н. К. Никольский и которую затем особо изучали Пекарж, Вайс, Вашица и Вейнгарт, представляет переработку известной латинской легенды, написанной мантауанским епископом Гумпольдом. По мнению Вашицы, она была переведена на славянский язык в Чехии около 1000 г.⁴⁸ Д. Чижевский обратил внимание на следы знакомства с этой легендой в Несторовом житии св. Феодосия Печерского, указав, что древнейший текст Несторова жития св. Феодосия находится в сборнике XII в. вместе с житиями св. Мефодия и св. Вита.⁴⁹ Е. Прохазкова показала зависимость Несторова «Чтения о житии и погублении блаженную страстотерпцу Бориса и Глеба» от второй редакции жития св. Вацлава («Легенды Никольского»). Эта зависимость отражается как в аналогичной тематической структуре обоих текстов, так и в отдельных мотивах, как например исцеление женщины, которая была наказана болезнью за то, что работала в праздничный день, или известие, что Борис женился по желанию своего отца, так же как и Вацлав в «Легенде Никольского». Житие св. Вацлава было известно и автору анонимного Сказания о Борисе и Глебе, где говорится, что Борис перед смертью «помышля на мучение и страст св. мученика Никиты и св. Вячеслава, подобно же сему бывшу убиену».⁵⁰

Оставляя в стороне вопрос моравских переводов св. Писания и литургических текстов, как и вопрос старославянского сборника проповедей,

⁴⁵ E. Procházková. Po stopách давнего přátelství. Kapitoli z česko-ruských literárních styků do konce 17 století. Praha, 1959, стр. 7—29; см. также: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 15.

⁴⁶ Ср.: М. Коутная, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 12—13.

⁴⁷ M. Weingart. První česko-cirkevněslovanská legenda o sv. Václavu. — Svetová-clavski sbornik, I. Praha, 1934, стр. 863—1088.

⁴⁸ См.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 16—17.

⁴⁹ Д. Чижевский. Anklänge an die Gumpoldslegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der «Originalität» der slavischen mittelalterlichen Werke. — Wiener slavistisches Jahrbuch, I. Wien, 1950, стр. 71—86; ср.: М. Коутная, Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 13.

⁵⁰ E. Procházková. Po stopách давнего přátelství, стр. 8—9.